

Ван Фуцян и четверо сценаристов выходят из кабинета Фан Яна с проектом в руках и, пройдя несколько шагов вместе, в замешательстве смотрят друг на друга. У всех у них потерянный вид.

Сценарист говорит:

“Мистер Ван, мы правда должны отредактировать это так, как хочет босс?”

Другой говорит:

“Мы действительно заработаем какие-нибудь деньги, написав это? Кто-нибудь вообще купит? На рынке нет подобных семейных драм”.

Еще один говорит:

“Я чувствую, что босс здесь импульсивен. Вряд ли это будет хорошо воспринято. Людям нравится видеть воспитанных, добродетельных женщин. Характер Босса полностью противоречит традиционным ценностям, он огрызается, спорит и все такое. Я чувствую, что никто даже не будет это смотреть. И купит ли кто-нибудь драму или спонсирует ее – еще один большой вопрос”.

Следующий:

“Никто не будет это смотреть. Семейная драма всегда полна недоразумений и конфликтов, верно? Кто бы захотел увидеть фейерверк в исполнении женской роли? Я бы не стал. Вам не кажется, что следует попытаться отговорить босса, мистер Ван?”

Ван Фуцян ничего не говорит. Они стоят на лестнице, спускаются вниз и ждут, когда Ван Фуцян заговорит. Тот думает, что если не будет следовать приказам босса, то действительно может остаться без зарплаты и выходного пособия за увольнение.

Ему почти 50. Еще немного, и он сможет уйти на пенсию и наслаждаться жизнью.

Не нужно идти против желаний толстяка.

Что ему вообще от этого нужно?

Толстяк – босс. Что он говорит, то и происходит.

Итак, Ван Фуцян говорит четверем сценаристам:

“Мы напишем это так, как хочет он. Давайте послушаем босса! Отредактируйте все как следует, и он будет доволен. Что касается того, будет ли продаваться как драма или окупится в принципе – это уже головная боль босса.”

Он узнает, каков рынок после того, как почувствует вкус поражения.

Но все равно толстяк раньше таким не был. Тогда он просто следовал тому, что модно и продается, а теперь идет против правил. Надеюсь, это просто мимолетное увлечение. Ван Фудян не хочет никаких несчастных случаев на своем пути к отставке.

Не подозревая о неодобрении сотрудников, Фан Янь продолжает читать другие сценарии. В отличие от единственного мусорного сценария Scriptwriting C, Лу Ци из Scriptwriting A представил целых три. Все это подростковые драмы примерно одного качества.

Фан Янь начинает чувствовать сильную боль, пронзающую его зубы, сердце и разум, отчего скрежещет челюстью. Это абсолютно токсично. Настолько, что он может просто умереть от отравления разума! Что это за драмы? Все они повторяют одну и ту же формулу.

Такие нежные, такие уродливые.

Исполнитель главной мужской роли – подонок без талантов. Кусок дерьма.

Исполнительница главной женской роли слепа, тупа и бездарна. Настоящая идиотка.

Как кто-то мог написать что-то подобное? И превратить это в драму, чтобы отравить аудиторию? Хулиганы, банды, драки, курение, выпивка и даже аборт... Неужели такая драма может выйти на экраны?

Это просто загрязняет тело и разум молодых людей.

Первый сценарий – плохой мальчик в паре с плохой девочкой.

Второй сценарий – плохая девочка, сбивающая с пути хорошего мальчика.

Третий сценарий – плохой мальчик, сбивающий с пути хорошую девочку.

Все под одну гребенку.

И они надеялись, что Фан Янь оценит это дерьмо и потратит миллионы? Скорее он предпочел бы вскрыть голову менеджера по написанию сценариев Лу Ци.

Тем не менее Фан Янь проверил нынешний рынок, и он действительно полон этими токсичными, больными, изнуряющими подростковыми драмами.

Когда Фан Янь доходит до последнего сценария и видит, как героиня перепрыгивает стены школы, чтобы пойти к своему партнеру в интернет-кафе, который в то время обнимает прилипчивую третью лишнюю. Отчего она выхватывает сигарету прямо изо рта героя, делает затяжку и, пытая и плача, говорит: "Я тоже могу быть плохой девочкой, я могу! У тебя не может быть никого, кроме меня!"

Черт возьми!

Черт возьми, черт возьми!

Неважно, что он, Фан Янь, гомосексуалист. Даже если бы был натуралом, женился и воспитывал подобную дочь, то ему не понадобилась бы ничья помощь в проведении посмертного аборта.

Было бы лучше родить кусок тушеного мяса.

Фан Янь закрывает сценарий и от боли хватается за грудь. Что, черт возьми, они курили, чтобы положить ему на стол такое собачье дерьмо. Токсичность зашкаливает.

Фан Яню требуется некоторое время, чтобы успокоиться. Он наливает стакан воды и приходит в себя дыхательными техниками. Фан Янь велит Цао Сяогану:

"Позови ко мне Лу Ци. Скажи ему, чтобы он привел с собой всех сценаристов этих драм".

Фан Янь должен сам увидеть, каким особенным человеком нужно быть, чтобы написать такой сюжет.

Лу Ци был уверен, что все дело в сценарии. Поскольку заподозрил, как Ван Фуцян и сценаристы проводят довольно много времени в кабинете босса.

Фан Янь не заботился об этом в прошлом. Их работа заключалась только в написании сценариев и проверке представленных извне, чтобы следовать тенденциям рынка. Фан Янь просто просматривал, а затем тратил на это деньги. Заработают ли они в итоге деньги или нет, действительно зависело от судьбы.

Он никогда не видел, чтобы босс так вкладывался в свои сценарии.

Хм. Возможно, он действительно изменился.

Лу Ци зовет двух людей, которые написали три драмы. В группе А шесть сценаристов; в В столько же, в то время как у С только четыре. Группы А и В иногда выигрывают по-крупному со своими сценариями, а иногда терпят убытки. С, тем временем, в основном приносили небольшую прибыль.

Когда Лу Ци и сценаристы вошли в кабинет, Фан Янь даже вытянул шею, чтобы убедиться, что больше никого нет. Он спрашивает:

“Только они вдвоем?”

Лу Ци отвечает:

“Да, босс. Мы написали более десяти сценариев в Scriptwriting А и также просмотрели около двух десятков заявок. В итоге выбрали троих. Эти двое – наши лучшие сценаристы.”

Во время выступления Лу Ци предполагает, что, возможно, их просто вызвали, чтобы обсудить, в какой из сценариев инвестировать в первую очередь, поскольку они представили три. Не исключено, что Фан Янь хочет, чтобы все три были выпущены одновременно, но это маловероятно.

Фан Янь кивает. Неудивительно, что все трое чувствуют себя мертвыми. Эти двое написали их.

Фан Янь даже не говорит им сесть, отчего Лу Ци и сценаристы начинают чувствовать себя неловко. Может ли быть... что боссу не понравились сценарии?

Фан Янь делает глоток из своего стакана с водой, прежде чем, наконец, спросить:

“У вас у всех какое-то извращенное представление о молодости? Или о романтике?”

Лу Ци: “...”

Безымянный сценарист А: “...”

Безымянный сценарист Б: “...”

Что он имеет в виду?

<http://bllate.org/book/13033/1149205>